

Роман Глушков

Найти и обезглавить!

ТОМ 1

Роман Глушков

Найти и обезглавить! Том 1

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Глушков Р. А.

Найти и обезглавить! Том 1 / Р. А. Глушков — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Кровавое черное фэнтези, где всех единорогов отправили на убой, гламурных принцесс изнасиловали и угнали в рабство, а правда всегда остается за тем, кто ударит первым. Никто не должен был уцелеть во время ночной резни, устроенной во дворце гранд-канцлера Дорхейвена. Однако его единственному сыну Шону повезло — он сбежал от убийц и унес с собой печать, что могла открыть им доступ в его семейную сокровищницу. А помог ему в этом развратник и пьяница — вояка-кригариец Баррелий ван Бьер, у которого остались перед отцом Шона кое-какие долги. И которому предстоит отправиться с Шоном в опасное путешествие, постаравшись сохранить на плечах не только голову своего попутчика, но и свою...

© Глушков Р. А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роман Глушков

Найти и обезглавить!

Том 1

«Но даже идя верной дорогой через эту пустыню, не забывай: все равно однажды наступит момент, когда ты не сможешь развернуться и пойти обратно...»

Курсор Николиус, «Четвертый путь через Каменную Гарь»

Пролог

Они преградили ему путь ранним утром, на берегу какого-то ручья, когда он уже мог разглядеть в предрассветной дымке маячившие вдаль, сторожевые башни Дорхейвена. Разбойников было что-то около десятка. Пятеро вышли перед ним на дорогу и еще примерно столько же засело среди придорожных скал, готовые наброситься на него сзади. Ветер как раз дул ему в спину, и он чувствовал этих грязных двуногих хищников по вони их нестиранных портянок и пропитанной застарелым потом, вшивой одежды.

Никаких приветствий или окриков: молчаливое окружение и дружная стремительная атака... Обычная тактика для тех, кто на дорожных грабежах собаку съел и не теряет бдительности, даже когда нападает на одну-единственную жертву.

– Вы обознались, ребята. Я не торговец, и при мне нет ни денег, ни товара, – оповестил он этих искателей легкой наживы. После чего поставил свою одноосную тележку, которую всегда таскал за собой сам, на откидывающуюся стойку и, отпустив оглобли, отшагнул назад. – Я – обычный странствующий монах, и вожу с собой лишь то, что необходимо мне в дороге. Вам не выручить за все мои вещи и одного кифера – возможно, полсотни цанов вместе с трухлявой тележкой, и то, если повезет. Неужели вы готовы отобрать у бедного монаха даже такую малость?

То, что они готовы выпустить ему кишки и за гораздо меньшую сумму, он смекнул практически сразу. Здесь, на границе с Каменной Гарью, грабежи не заканчивались убийством лишь в одном случае – если жертвы были пригодны для продажи в рабство. Но монаху преградили путь не работоторговцы, это очевидно. Он видел в их руках обнаженные клинки, а не дубинки, сети и арканы, с помощью которых его можно было бы взять живым и не покалеченным. А клинки были даже не намеком, а прямым доказательством того, что ему вот-вот предстоит умереть. Скорее всего – очень быстро, ведь разбойникам нужен не он, а содержимое его тележки, – да разве только это утешало?

– Очень жаль, – обреченно вздохнув, произнес монах. – Старцы говорят, будто раньше люди были добрее и умели договариваться друг с другом... Впрочем, нынешние времена меня тоже пока устраивают.

Последние слова он произнес, когда пятерка вышедших на дорогу бандитов сорвалась с места и бросилась к нему с занесенными для ударов, мечами и саблями. Однако вместо того, чтобы попытаться спастись от них бегством, он схватил нечто, лежащее в тележке поверху, и изо всех сил метнул это навстречу нападавшим.

Ловчая сеть канафирских пастухов мреза – вот что такое это было. Чтобы обращаться с нею, требовались особое мастерство и сноровка, но у монаха имелось и то, и другое. Мгновенно раскрутив мрезу в руке, он отправил ее, гудящую и продолжающую вращаться, в короткий полет. Привязанные к ее краям грузила развернули ее в воздухе в подобие большой паутины диаметром примерно в полдюжины шагов. Этого хватало, чтобы изловить с ее помощью на скаку коня или быка. Или как сейчас – сразу четверых из пяти разбойников, которых мреза захлестнула и спутала вместе. И когда один из них при этом споткнулся и упал, он сразу потянул за собой на землю остальных.

Впрочем, меткое швыряние ловчей сети было не единственным талантом монаха, а лишь одним из многих. Причем далеко не главным. Гораздо лучше он умел обращаться с более простыми и менее гуманными вещами. Такими, которые не оставляли его врагов живыми, если только он сам не даровал им пощады. Что случалось на его веку отнюдь не часто. И уж точно не с теми его врагами, которые жаждали пустить ему кровь.

Не угодивший под мрезу бандит от неожиданности замешкался и остановился. И потому вообще не оказал сопротивления, когда подскочивший к нему монах обрушил ему на голову

короткий эфимский меч и разбрызгал его мозги по дороге. Меч бродяга также выхватил из тележки, где тот лежал у него наготове. При себе же он держал лишь кинжал, который предпочитал носить своеобразным манером: в ножнах, закрепленных горизонтально у него за спиной на широком поясном ремне.

Доселе молчавшие, теперь опутанные мрезой бандиты взялись яростно браниться и метаться, стараясь разрезать ее тем оружием, что было у них в руках. Что им вскоре удалось бы, если бы монах им это позволил. Но он не дал врагу отыграть у себя преимущество. И, перепрыгнув через барахтавшихся на дороге разбойников, взялся безостановочно рубить и колоть их мечом, пока они не могли оказать ему сопротивление. Рубил и колол он их прямо через сеть, которая после этого, разумеется, должна была прийти в негодность. Но это ерунда. Если он переживет нынешнее кровавое утро, здесь, на границе с Канафиром, купить новую мрезу не составит для него труда.

Заскочив нападавшим в тыл, монах заодно укрылся за ними от стрел, что могли быть выпущены в него из-за скал. Предосторожность себя оправдала – ни одна стрела оттуда так и не прилетела. Зато, увидев, в какую передрыгу угодили их приятели, из засады выскочили остальные разбойники. Но их подмога безнадежно запоздала, ибо все до единого удары монаха были смертоносными. А нанес он их столько, что умей его жертвы мгновенно воскресать, каждая из них умерла бы за это время раз по пять, если не больше.

Он не ошибся – перед нападением банда и впрямь разделилась напополам. Ну или почти напополам: прикончив пятерых, теперь монах столкнулся с шестью противниками. Вот только слаженности в их атаке уже не было. Они покинули свои укрытия не одновременно, а порознь. Отчего их группа растянулась по дороге так, что когда монах схватился с первым из них, последний еще только выбегал на обочину.

А поодиночке они могли противостоять ему совсем недолго.

Эфимский меч монаха был заметно короче их мечей и сабель, но в этой битве длина клинков абсолютно ничего не решала. Монах даже не тратил силы на блокирование встречных ударов и выпадов, а просто уклонялся от них. После чего неизменно оказывался со стороны незащищенного вражеского бока и либо разрубал противнику шею, либо с хрустом вонзал тому меч промеж ребер – в зависимости от того, как было сподручнее. Он дрался просто и без изысков, но с воистину звериным напором. И наносил удары с такой силой, что даже если разбойники предугадывали его действия – что было, в общем-то, несложно, – они ничего не могли противопоставить ему в ответ. Он сносил их со своего пути и кромсал, будто рассви-репелый вепрь – промахнувшихся и замешкавшихся охотников. И они гибли, хрипя и захлебываясь собственной кровью, а он шел вперед, переступая через агонизирующие тела, чтобы вскоре добавить к ним еще одно, павшее столь же жестокой смертью...

И все же кое-кому из них сегодня повезло.

Предпоследней на кровавом пути монаха оказалась женщина, судя по смуглой коже и всколоченной прическе – канафирка. А судя по повадкам – самая опасная из всех членов шайки. Она атаковала его с копьем в руках, но когда он увернулся от, надо заметить, мастерского выпада и попытался всадить клинок ей под мышку, она успела отскочить в сторону. Хотя отчасти его удар достиг-таки цели – кончик меча срезал застежку на ее легком нагруднике и рассек ей кожу почти до самых ребер.

Рана была легкой, но болезненной, однако канафирка издала не крик, а странный гор-танный звук: что-то среднее между шипением и верещанием. Звук был пронзительный и противный настолько, что у монаха зазвенело в ушах, а по коже побежали мурашки. Впрочем, он был привычен к этим и другим боевым трюкам канафирцев, призванным ввергать противника в оторопь. И потому несколько не смутился, а, не останавливаясь, повторно набросился на эту стерву. Но она снова отпрыгнула от него, и уже на недостижимое расстояние. И не просто отпрыгнула, а при этом ловко развернулась в полете и метнула в него копье.

Ее замах перед броском был столь же быстр, как и прочие выкрутасы. Но монах вовремя засек это ее движение и отпрыгнул за тележку. Копье ударилося в землю аккурат там, где он был за миг до этого, и, стукнув наконечником о камень, отлетело в сторону. А мягко приземлившаяся на дорогу канафирка сорвала с себя болтающийся на теле нагрудник, который без застежки стал ей мешать, и стремглав рванула к придорожным скалам. На которые вскарабкалась, несмотря на рану, с кошачьим проворством еще до того, как монах снова погнался за ней. После чего, задержавшись на миг, указала на него сверху оттопыренным мизинцем – известный во всем мире, оскорбительный канафирский жест, – и, спрыгнув по другую сторону скал, пропала из виду.

Она сверкала перед монахом оголенной грудью совсем недолго, но он успел заметить не только то, что грудь эта была маленькая и не в его вкусе, но и кое-что еще, куда более важное. Под левой ключицей канафирки красовалась белая татуировка, хорошо заметная на смуглой коже даже в сумерках. Когтистая птичья лапа, вцепившаяся сверху в треснутый граненый алмаз, а под ним на извивающейся геральдической ленте, начертанный на языке канаф девиз: «Мир смертен! Истина вечна!».

Эту надпись монах, конечно, прочесть не успел, но он знал, что она там имеется. Также, как знал, что клейменная этим символом особа не входит в высшее созвездие Плеяды Вездесущих, а находится, скорее всего, на низшей ступени посвящения, являясь обычным слугой, исполнителем чужой воли. Магистры из высшего созвездия сочли бы ниже своего достоинства якшаться с разбойничьим отребьем. А эта канафирка, по всем признакам, являлась полноценным членом банды, ведь иначе она не стала бы сама принимать участие в ее грязных делишках.

Этот не то поединок, не то акробатический танец с прислужницей Вездесущих отнял у монаха больше времени, чем он затратил на убийство каждого из четырех предыдущих врагов. Но последний разбойник – тот, что выбрался на дорогу позже всех, – не спешил вступать в бой. А спешил он совсем в другом направлении. Поняв, что остался в одиночестве, он сразу растерял весь боевой пыл. И, обежав тележку с другой стороны, проскакал вброд через ручей, а затем припустил во все лопатки к Дорхейвену. Или, возможно, не туда, но удирать в ту сторону, откуда пришла его несостоявшаяся жертва, он не захотел.

Монах подхватил с земли копье Вездесущей, собираясь метнуть его вслед беглецу и закончить на этом сегодняшнюю кровавую жатву. Оставлять у себя за спиной в незнакомом краю двух выживших врагов было неразумно – и одной спасшейся канафирки ему хватит, чтобы отныне ходить и оглядываться в два раза чаще, чем он привык...

Но монах опоздал. Его мишень успела скрыться за поворотом прежде, чем он всадил ей копье между лопаток. А гнаться за ней очертя голову он уже не решился. Мало ли, что ждет его за теми скалами, поэтому будет лучше остаться здесь и выждать. Все равно, далеко со своей тележкой он не убежит. А если бандит приведет сюда подмогу, пускай его приятели сначала узрят трупы, поймут, какая незавидная участь может постичь и их, и уже потом прикидывают свои шансы на удачу.

– Не бывает плохих времен – бывают плохие люди, – пробормотал монах, заканчивая свои прерванные дракой рассуждения. – А времена всегда одни и те же: дерьмовее, чем нам того хотелось бы, но куда лучше, чем те, которые наступят завтра.

И, хмуро оглядев валяющиеся повсюду мертвецов, отшвырнул копье в придорожные кусты. А затем сплюнул в растекшуюся перед ним, лужу перемешанной с грязью крови...

Глава 1

Доселе Громовержец покровительствовал легендарному разбойнику Хайнцу Кормильцу, позволяя ему раз за разом ловко ускользать от городской стражи Дорхейвена. Но сегодня бог почему-то отвернулся от своего любимчика. А иначе как объяснить то, что этим утром из всех путей для бегства Хайнц выбрал самый неудачный: прямо навстречу своему главному врагу – моему отцу?

Встреча выдалась неожиданной и для Кормильца, и для нас, выехавших на рассвете за город поохотиться на ланей. Бежавший сломя голову Хайнц заметил наш отряд слишком поздно, когда выскочил из-за скал, торчащих у поворота дороги и скрывших для него наше приближение. Заметил и остановился как вкопанный, вытаращившись на всадников испуганными глазами. В руке у него была кривая азуритская сабля, и можно было подумать, будто Хайнц мчался на нас в атаку. Хотя на самом деле это было явно не так, и он держал оружие наготове по какой-то иной причине.

По малости лет – а было мне, Шону Гилберту-младшему, в ту пору всего-навсего двенадцать, – я не узнал этого лохматого оборванца в засаленной стеганке. Но мой отец, гранд-канцлер Дорхейвена Шон Гилберт, и сопровождающий нас полковник Дункель вместе с двадцатью солдатами дворцовой стражи вмиг опознали преступника, за которым мой папаша безуспешно охотился уже второй год кряду. Не дожидаясь приказа, скачущие в авангарде всадники прищипорили коней и, выхватив мечи, устремились к оплошавшему Хайнцу. С которого быстро сошла оторопь, и он в отчаянии рванул было к придорожным скалам. Да только все напрасно – те оказались слишком круты, чтобы он сумел перебраться через них прежде, чем гвардейцы его настигнут.

– Живьем! Только живьем! – прорычал им вслед полковник Дункель.

Напоминание это было излишним. Солдаты отлично знали, что от них требуется. И обнажили клинки вовсе не затем чтобы снести Хайнцу голову на скаку, хотя такое искушение у них наверняка имелось. Настигший его первым, капрал Ордан треснул ему плашмя мечом по затылку и сбил его с ног. А скачущий за капралом, гвардеец Хесс осадил коня, проворно выпрыгнул из седла и набросился на беглеца, прижав его к земле до того, как он поднялся и возобновил бегство.

Когда не участвовавшие в скоротечной погоне члены нашего отряда вновь присоединились к Ордану, Хессу и остальным, пленник был уже разоружен и поставлен на колени. Отныне бежать ему было некуда, а сопротивляться в надежде обрести быструю смерть от стрелы или меча – бессмысленно. Никто не сделает Кормильцу такое одолжение, а нарываться на побои ему раньше времени не хотелось, ведь уже завтра на нем и так живого места не останется.

– Глазам своим не верю! – воскликнул отец после того, как они с Дункелем окончательно убедились, какой щедрый дар преподнес им Громовержец. – Вот уж не знаю, чем умасливал сегодня бога наш курсор Илиандр, но лучше бы ему записать этот рецепт на будущее, когда у нас снова возникнет нужда в подобных чудесах!.. Кстати, а где все остальные ублюдки из твоей шайки? Где Хрим Кишкодер, где Эльб Троерукий, где Табот Висельник, где Гнойный Прыщ Маркес?... Где в конце концов эта проклятая Канафирская Бестия, которую вы пускаете по кругу в свободное от резни и грабежей время?

– Или, может быть, это она дрючит вас скопом, заставляя участвовать в своих нечестивых богохульных ритуалах? От которых все вы сгниете заживо, если только еще раньше не передохнете на плахе, – добавил полковник. Он служил гранд-канцлеру довольно долго, и сегодня отец считал его не только слугой, но и лучшим другом, которому позволялось в неофициальной обстановке открывать рот без разрешения.

Вопрос отца насчет приятелей Кормильца был вовсе не праздный. Он верховодил кучкой столь же отпетых разбойников, у которых могло хватить дерзости попытаться отбить у нас своего вожака. Поэтому гвардейцы пребывали на чеку, даром что это место не подходило для засады. Во время своего последнего нападения на одну из пригородных караванных стоянок Хайнц потерял троих подручных, и сейчас в его банде насчитывалось что-то около десятка человек. Не слишком много, но каждый из них был отпетым головорезом, а вместе они вполне могли дать нам бой, пусть даже это грозило им если не разгромом, то новыми серьезными потерями.

– Можешь радоваться! – проговорил уставшим сиплым голосом Кормилец, вытаращившись исподлобья на гранд-канцлера. – Все мои люди мертвы! Их только что перебили на берегу Вонючего ручья, в полутора выстрелах отсюда. Я – последний из нас, кто выжил.

– Да неужели?! И кого мне нужно за это благодарить? – удивился отец. Вряд ли он поверил бы разбойнику, будь тот схвачен после очередной облавы. Но доселе неуловимый Хайнц допустил сегодня настолько идиотскую ошибку, что становилось очевидно: он был чем-то панически напуган, из-за чего пустился наутек, забыв обо всякой осторожности. А что еще могло напугать этого легендарного народного героя, если не ужасная гибель его собратьев?

– Это сделал кригариец, – ответил пленник. И взволнованно оглянулся в ту сторону, откуда он сюда прибежал.

– Кригариец?! Самый настоящий?! – вырвалось у меня. Вздвогнув от столь неожиданного известия, я даже нечаянно уколол лошадь шпорами, и она возмущенно заржала и заходила на месте.

Солдаты после такой новости тоже стали удивленно переглядываться. Да и отец с Дункелем, надо полагать, были слегка ею ошарашены, хотя и не подали вида. Но наибольшее восхищение она, конечно же, вызвала у меня – юного, глупого и впечатлительного Шона Гилберта-младшего. Еще бы! Ведь, если пленник не солгал, всего в одном с половиной полете стрелы от нас находился самый настоящий кригариец – один из пяти выживших на сегодняшний день монахов, исповедующих культ богини войны Кригари! Исповедующих втайне, поскольку культ этот был давно под запретом, а саму Кригарию объявили языческой богиней, поклонение которой сурово наказывалось. Впрочем, когда ее монахов стало можно пересчитать во всем мире по пальцам одной руки, курсоры Громовержца оставили их в покое, перестав преследовать их и вообще обращать на них внимание. Тем более, что кригарийцы сами к этому не стремились, отказавшись проповедовать свою веру и не возводя больше нигде свои капища и монастыри.

Разбредясь по свету, они занимались делом, которое у них лучше всего получалось: воевали на стороне тех, за чьи интересы им было не зазорно проливать кровь. Само собой, не бесплатно. Как раз наоборот, монахи-кригарийцы, коих обучали воинскому ремеслу с малолетства, знали истинную цену своим талантам и продавали их с наибольшей для себя выгодой. Что в итоге сделало их героями многочисленных легенд, которые я выслушивал в детстве с горящими глазами и развешенными ушами. Так что нетрудно представить, в какое я пришел возбуждение, узнав, что один из моих кумиров вдруг взял и объявился под стенами Дорхейвена – города купцов, лавочников и караванщиков, но уж точно не легендарных воинов и курсоров.

Рассерженный моей несдержанностью, отец обжег меня суровым взглядом, и я стыдливо потупил взор. Он мог бы снисходительно относиться к моей одержимости подобными историями, если бы для меня был от них хоть какой-то прок. Но, заслушиваясь и зачитываясь ими, я, однако, рос вовсе не боевитым, а замкнутым ребенком, и это отца безмерно огорчало. А меня – и того пуще, ведь отцовское огорчение мною всегда выливалось в издевки, ругательства и затрешины.

Конечно, будучи трезвым, он держал себя в руках и высказывал мне упреки с глазу на глаз. Проблема в том, что пьяным он тоже бывал частенько. И когда в такие моменты я попа-

дался ему не под настроение, он отыгрывался на мне по полной, невзирая на то, в чьем присутствии это происходило. Причем страдал я не только за себя, но и за свою старшую сестру Каймину, которая, не выдержав мерзкого отцовского характера, удрала восемь лет назад из дома. И ладно бы просто удрала! Но нет, желая нарочно досадить папаше, она прибилась в один из борделей Тандерстада и постаралась, чтобы весть об этом непременно дошла до Дорхейвена. После чего я и стал отдуваться перед отцом за нас обоих, выслушивая его пьяную брань и снося пощечины. Не слишком частые, но от этого они не становились менее обидными. И заступиться за меня было некому – наша с Кайминой мать Левадия умерла еще при моем рождении, и я знал ее лишь по портрету в нашей гостиной. Которому и жаловался иногда на свои беды, пускай и знал, что нарисованная мать все равно ничем мне не поможет...

А Дункель тем временем задал Хайнцу новый вопрос, закономерно вытекающий из предыдущего:

– И на которого из пяти кригарийцев у вас, безмозглых идиотов, хватило ума напасть?

– Понятия не имею, – помотал головой Кормилец. – Но это точно был один из них. Не верите – езжайте и сами проверьте. Полагаю, монах все еще торчит на том берегу. А если и ушел, то недалеко. Он таскает за собой тележку с оружием, а лошади у него нет.

– Проверим, – пообещал гранд-канцлер. – Но сначала разберемся с тобой. Сегодня ты у нас главный почетный гость, а не какой-то там кригариец.

– Да уж не сомневаюсь, что разберетесь, – невесело усмехнулся разбойник. – Палач Дорхейвена, небось, давно наточил свои пыточные инструменты, дожидаясь, когда я встречу с ним на главной площади и ступлю на его помост.

– А вот это вряд ли, – возразил отец. – Ишь чего захотел – войти в историю вторым великомучеником Орхидием! Даже не мечтай. Ты слишком долго кормил чернь ворованной жратвой, поил ее ворованным вином и рассыпал перед ней ворованные деньги, чтобы рассчитывать от меня на публичную казнь. Я не собираюсь дарить тебе посмертную участь народного героя-страдальца. Я даже не стану гноить тебя в Судейской башне, как бы мне ни хотелось растянуть твои страдания на годик-другой. Просто у ее стен слишком много ушей, слухи о твоей поимке сразу разлетятся по городу, и чернь начнет роптать. Но если ты вдруг бесследно сгинешь, уже через полгода никто о тебе и не вспомнит. Закон дешевого борделя: любовь, которую ты покупаешь за еду, кончается сразу же, как только кончается эта еда. И когда это случится, все подумают, будто ты залег на дно, как любой другой бандит, который вволю наворовал и решил завязать со своим преступным прошлым. А теперь скажи: сколько народных героев ты знаешь, которые закончили свои дни, живя под чужой личиной и транжиря втихую награбленное добро?... То-то и оно, что ни одного. Твоей истории, Кормилец, будет не хватать яркого, трагического финала. А без него пропадет и вся история целиком. Ведь в недописанном виде она не заинтересует ни одного барда, которые хотят, чтобы слушатели их баллад плакали от переизбытка чувств, а не зевали от скуки... Правильно я говорю, Шон?

Шон Гильберт-старший обратился с таким вопросом ко мне, видимо, потому, что из всех присутствующих здесь я казался ему самым большим поклонником балладного искусства.

– Да, сир, – только и оставалось согласиться мне. Собственно, любой другой ответ от меня и не ожидался.

– Что ж, замечательно! – подытожил он. Вот только, судя по его тону, это была не похвала, а предвещание чего-то крайне малоприятного для меня. Уж кто-кто, а я легко предугадывал такого рода отцовские выходки. – А теперь достань свой меч и докажи всем нам, что ты тоже готов называться героем и настоящим мужчиной.

– Э-э-э... в каком смысле, сир? – промямлил я. Внутри у меня все похолодело, поскольку я чувал, что ничем хорошим это для меня не закончится. Чувал, пусть даже еще ничего и не началось. Богатый жизненный опыт, знаете ли, даром, что мне было всего-навсего двенадцать лет.

– Что значит – «в смысле»? – вмиг посуровел гранд-канцлер. – Просто возьми меч и убей этого негодяя! Так, как должен поступить настоящий герой при встрече с гнусным врагом! Разве не этому учат тебя твои книжки?

Я хотел сказать, что в моих книжках все герои как правило уже взрослые и имеют немалый боевой опыт, да только разве отца устроили бы такие оправдания?

Поэтому, ни говоря ни слова, я спешился, вынул из ножен Аспида – хоть и детского размера, но вполне настоящий обоюдоострый меч из отличной эфимской стали, – и выступил в круг, который образовывали стерегущие пленника гвардейцы. На душе у меня было крайне паршиво, потому что прежде я еще никогда никого не убивал. Ни собак, ни кошек, ни свиней, ни коров, ни тем более людей. Весь мой опыт убийцы ограничивался несколькими подстреленными из лука птицами, чье предсмертное верещание тоже не доставило мне особой радости. И если бы отец предупредил меня о том, что он устроит мне свой коварный экзамен именно сегодня, я, вероятно, смог бы морально к нему подготовиться.

Не знаю, правда, был бы от этой моей подготовки толк, но без нее я и подавно ощущал себя тряпкой. Мне уже доводилось глядеть на трупы, в том числе на обезображенные – отец часто заставлял меня присутствовать на городских казнях. Я даже научился не отводить глаза при виде брызжущей крови, вываленных наружу внутренностей и расчлененных тел. Но мысль о том, что я могу сотворить подобное собственными руками, казалась мне совершенно дикой. Возможно, когда я подрасту, поднаберусь опыта и заматерею, чье-то убийство уже не будет повергать меня в паническую дрожь. Возможно, в будущем, но не сегодня. И тем более не сейчас, когда меня заставляли проделывать это на глазах такого количества свидетелей.

– Ну же, действуй! – сострожившись, повторил свой приказ Шон Гилберт-старший. – Вспомни, чему я тебя учил, и бей! Бей, кому говорят!

Вспомнить-то как раз было несложно – пьяные отцовские пощечины, которыми он закреплял те редкие уроки владения оружием, что порой мне давал сам, все еще горели у меня на лице. Но хоть я и отважился обнажить меч и встать перед Хайнцем, на большее моей отваги, увы, не хватило. Я уже точно знал, что, несмотря на понукание родителя, мне не хватит духу вонзить клинок в тело разбойника. И ни угрозы, ни новые пощечины, что я получу вечером по прибытию домой, не могли заставить меня переступить через эту, казалось бы, тонкую, но весьма нелегкую грань.

Между тем, пока я трусливо колебался, выражение лица Кормильца менялось из настороженно-озлобленного в такое, которое двенадцатилетнему подростку было пока еще трудно понять. Это по-прежнему была злоба, но вместе с нею в глазах Хайнца появился азартный блеск, который не предвещал мне ничего хорошего. К тому же я был целиком поглощен своими переживаниями, чтобы обращать внимание на чувства разбойника, коего мне было велено умертвить.

К счастью, не все свидетели моего позорного фиаско глядели только на меня. Полковник Дункель и гвардейцы не выпускали из виду коленопреклоненного пленника, пусть он вел себя покладисто, смирившись, казалось бы, с уготованной ему судьбой. И когда он неожиданно вскочил с колен и бросился на меня, лишь я, похоже, был ошарашен и испуган его выходкой. А солдаты отреагировали на нее с такой же быстротой, с какой устремился ко мне сам Хайнц. У меня за спиной тут же щелкнули арбалеты, и несколько пронесшихся надо мной стрел вонзились Кормильцу в живот и в грудь, отбросили его назад и снова уронили в дорожную пыль. Только на сей раз – не живого, а мертвого...

Что он хотел: взять меня в заложники, прикрыться мною и вырваться на свободу или просто разорвать мне горло, дабы в последние мгновения жизни еще раз хорошенько насолить гранд-канцлеру? Ответ на этот вопрос Хайнц Кормилец так и унес с собой в могилу. Которую он, несмотря ни на что, все-таки заслужит. Ведь брошенное на съедение падальщикам, его тело мог кто-нибудь найти. И даже обезглавленное, оно могло быть опознано по примет-

ным татуировкам. Даже мертвый, Хайнц грозил доставить нам неприятности, угодив к своим почитателям, что не откажут себе в удовольствии устроить по нему громкую панихиду. Чего Гилберт-старший и Дункель никак не могли допустить. Благо, отправившись на охоту, кое-кто из солдат захватил с собой лопаты для разбивки лагеря, и погребение Кормильца обещало не отнять у нас много времени.

– Пошел прочь с моих глаз! – рявкнул на меня отец, гневным жестом велел мне вернуться на лошадь, которую в мое отсутствие придерживал за поводья капрал Ордан. И я, довольный тем, что трезвый родич не стал учинять мне публичный разнос, исполнил его распоряжение так быстро, как только мог. То ли еще ожидало меня вечером, когда он закатит по случаю удачной охоты пирушку (при том, что ни одну лань мы сегодня так и не убили), но пока гроза, можно сказать, миновала. И я вновь с волнительным трепетом вернулся к мыслям о кригарийце, которого нам теперь предстояло разыскать.

Вернее, нам был нужен не столько он, сколько останки других бандитов, что, по заверению их вожака – тоже отныне мертвого, – остывали сейчас на берегу Вонючего ручья. И все же я мысленно молил Громовержца, чтобы он не дал монаху от нас скрыться. Потому что встреча с живым героем моих любимых книг обещала стать, пожалуй, лучшим моим приключением с тех пор, как отец возил меня в столицу Эфима – Тандерстад, – а было это, по моим детским меркам, страсть как давно – аж два года назад...

Глава 2

Бог услышал мои молитвы: кригариец не только никуда не исчез, но и, похоже, решил ненадолго здесь задержаться.

По крайней мере, когда мы, зарыв труп Хайнца в придорожных кустах, доскакали до указанного им берега, тележка все еще стояла там, а рядом с нею горел костерок. Тот, кто разжег огонь, сидел возле него и с преспокойным видом обгладывал жареную заячью тушку. Наше появление нисколько его не встревожило. Очевидно, он еще издали заметил реющее над нашим отрядом, знамя гранд-канцлера, а также форменные накидки стражников, одетые поверх доспехов, и понял, кто мы такие. А поскольку причин убежать от нас у него не было, он как ни в чем не бывало продолжил свой завтрак, дожидаясь, когда мы доберемся до его стоянки.

Посмотрев на этого человека, я решил, что он всего лишь слуга или приятель монаха. Тогда как сам хозяин тележки, судя по всему, куда-то отлучился или отошел в кусты справить нужду. Это был невысокий, среднего возраста мужик с коротко стриженными, черными волосами, уже седеющими и прорезанными большими залысинами. Вдобавок ко всему он обладал брюшком, хорошо заметным на его обнаженной по пояс, кряжистой фигуре. Правда, брюшко то было не обвислое и дряблое, как у какого-нибудь чиновника или члена Торгового совета, а походило на живот нашего кузнеца Гастона: выпирающий вперед, но довольно крепкий, с еще различимой под слоем жирка мускулатурой. Или, нет, у Гастона, что мог за вечер опорожнить, наверное, целую пивную бочку, пузо было все-таки побольше. Но так или иначе, а этот неприглядный тип тоже явно любил вкусно поесть и хорошо выпить. И, судя по его плотному телосложению, он позволял себе такое удовольствие не раз в полгода, а гораздо чаще.

Пока мы переезжали ручей вброд, никто к сидящему у костра мужику так и не присоединился, хотя вряд ли кригариец стал бы прятаться в кустах, раз уж его спутник нас не боялся. Неужто это и был один из пяти монахов, что пережили пятнадцать лет назад гибель монастыря Фростагорн, обвалившегося однажды ночью в океан вместе с утесом, на котором он простоял доселе не одну сотню лет? А также – почти со всеми монахами, последними адептами культа Кригариин, нашедшими там свой приют и спавшими в своих кельях в ту трагическую ночь.

Я глядел на этого кряжистого человека, который больше походил на кузнеца, пахаря или землекопа, чем на тех статных богатырей, какими описывали кригарийцев в легендах, и ощущал себя вероломно обманутым. Вероятно, разгуливающие по свету и обходящие Дорхейвен стороной, монахи и правда являли собой писаных красавцев, а Хайнц ошибся, и его банда нарвалась вовсе не на кригарийца? Тогда кто он такой? Наемник или бывший наемник, ставший под старость лет мелким странствующим торговцем?

На бортах его одноосной тележки, которая была великовата для того, чтобы таскать ее самому, висела полудюжина разных щитов. А из нее самой торчали рукояти двуручных мечей, секир и прочего режущего и рубящего оружия, что не поместилось в нее целиком. Многовато для походного наемничьего арсенала. Но маловато для торговца, который, прежде чем отправиться в дальний путь, собрал бы товара побольше и прикупил бы все же ослика.

Я думал, что хозяин тележки так и встретит нас с кроличьей тушкой в зубах, словно невоспитанный дикарь, чьи племена живут в Гиремейских горах. Но он все-таки счел наш визит уважительным поводом, чтобы отложить недоеденный завтрак. После чего встал и поприветствовал нас подобающим образом.

– Примите мое глубочайшее почтение, уважаемый гранд-канцлер Гилберт, сир! Встретить вас здесь в это прекрасное утро – огромная честь для бедного странствующего монаха!

– Ты знаешь, кто я такой? – удивился отец. Он счел ниже своего достоинства тратить время на ответное приветствие какому-то полуголому бродяге. И все же, памятуя, что перед

ним и впрямь может быть кригариец, он разговаривал с ним куда вежливее, чем с обычными захожими или заезжими незнакомцами.

– Не имел радости видеть вас раньше, сир, но мне знаком ваш герб, – пояснил странник. – Да и ваша стража выглядит очень серьезно. Такую отличную стражу в Дорхейвене престало иметь лишь одному гранд-канцлеру и никому больше.

– Ты назвался монахом, – заметил Шон Гилберт-старший. – Но ты не похож на слугу Громовержца. Правильно ли я понимаю, что ты служишь не ему, а древним богам? Или, точнее, одной древней богине?

– Если вы имеете в виду Кригарию, сир, то я и мои братья давно служим не ей, а людям, – не попался в эту простенькую курсорскую уловку монах. – Возможно, это неправильно, что мы все еще называем себя монахами. Но я вам обещаю: мы прекратим это делать сразу, как только люди придумают нам другое, более верное название. Но пока они именуют нас так, а не иначе, мы не смеем противиться их желанию.

– Это ваше право, – отмахнулся отец, которого и в самом деле не волновали подобные тонкости. – А как люди называют тебя самого?

– Прошу прощения, сир, меня так взволновала наша встреча, что я совершенно забыл представиться... – Несмотря на грубый внешний вид этого типа, язык у него был подвешен куда лучше, чем у кузнеца или пахаря. – Меня зовут Баррелий. Баррелий ван Бьер. Еще иногда меня кличут...

– ...Пивной Бочонок! – вырвалось у меня. После чего мне вновь захотелось отшлепать себя по губам, потому что уж лучше бы это сделал я, чем отец. Правда, он ограничился сейчас лишь осуждающим взором, но я не сомневался: эта моя оплошность тоже будет занесена в список моих сегодняшних проступков. Короче говоря, вечером у меня намечался веселенький и в ближайшую ночь спать мне вряд ли придется.

– Все верно, юный сир: Пивной Бочонок! – закивал Баррелий ван Бьер. – Я гляжу, гранд-канцлер, вашему сыну тоже доводилось обо мне слышать. Хотя, говоря начистоту, вряд ли эти досужие выдумки бардов идут детям впрок и чему-то их учат.

Конечно, это из-за моей неводержанности на язык кригариец догадался о том, что я – отпрыск гранд-канцлера, а не его паж или писарь, которые не дерзнули бы подать голос без разрешения. Но в тот момент я был настолько поражен, что Пивной Бочонок знает о том, что я – Шон Гилберт-младший, – что у меня закружилась голова, и я едва не вывалился из седла. Но все-таки, к чести своей, не вывалился и не заставил отца лишний раз за меня краснеть.

– Мой сын Шон и правда знает о кригарийцах гораздо больше меня, – признался отец. – Собирает гуляющие по Дорхейвену всякие байки и легенды. Но, что еще хуже – начинает потом безоговорочно верить во все эти рассказы... Впрочем, я приехал сюда, чтобы поговорить не о них, а о слухах, дошедших до меня этим утром. И они напрямую касаются тебя, кригариец. Это правда, что совсем недавно здесь произошла резня, в которой ты принимал участие?

– Истинная правда, сир! – не стал отрицать Баррелий. – И я только что намеревался известить вас об этом, если бы вы не спросили меня первым. Однако, уверяю вас: ни один добропорядочный человек в этой резне не пострадал. Да и недобропорядочные не пострадали бы, если бы мне удалось убедить их, что я – не продавец оружия, за которого они меня ошибочно приняли, а обычный небогатый путник. Во всем виновата моя проклятая тележка! Из-за нее меня часто путают с торговцем и пытаются ограбить! А когда я пытаюсь грабителей в этом разубедить, мне никто никогда не верит. Прямо напасть какая-то, честное слово, сир!

– И куда же подевались те, кто пытался ограбить тебя сегодня? – Отец демонстративно огляделся, но по-прежнему не увидел поблизости ни разбойничьих трупов, ни следов крови.

– Я упокоил их вон в той ложбинке, – простодушно ответил Бочонок. – Извольте, сир, покажу...

Ложбинка, о которой говорил монах, находилась совсем неподалеку. Я ожидал узреть в ней настоящее поле отгремевшей брани с разбросанными повсюду телами, но ничего подобного там уже не было. Оказалось, что ван Бьер – а кто бы еще кроме него? – успел здесь прибраться: стаскал все трупы в одно место и разложил их рядом на дне ложбинки. Зачем он так поступил, было ведомо лишь ему самому. Но этот Баррелий был явно человеком со странно-стями, а такие люди вправе совершать странные поступки.

Лица трупов были накрыты снятой с них же, окровавленной верхней одеждой, которую полковник Дункель приказал гвардейцам сорвать – для опознания жертв кригарийца. После чего выяснилось, что опознать всех мертвецов не получится. Головы двух из них были разрублены надвое и представляли собой кровавое месиво из обрывков кожи, ошметков мозга и осколков костей. Еще двух разбойников монах обезглавил, а после боя заботливо воссоединил тела с их головами, пристроив те им на грудь. Лица этих бедолаг почернели, перекосились и были вымазаны запекшейся кровью, так что разглядеть, кто из них кто, тоже являлось сложновато.

Зато узнать оставшихся пятерых покойников было уже можно, пусть и выглядели они немногим лучше. Если бы не четкая форма нанесенных им чудовищных ран, можно было подумать, что до банды Кормильца добрался крупный хищник. Или одна из тех тварей, что лезут из-под земли в Азурите – ныне разрушенном и заброшенном, а некогда самом крупном и густонаселенном городе Промонтории. Все отрубленные вражеские конечности кригариец также подобрал и вернул их хозяевам, кажется, ничего не перепутав. А разрубленного от плеча до поясницы коротышку – Дункель сказал, что это был Гнойный Прыщ Маркес, – ван Бьер аккуратно «собрал» воедино. После чего стянул ему грудь ремнем, дабы тело Маркеса не разваливалось и не выставляло напоказ свои внутренности.

Довершали всю эту отвратительную картину тучи жужжащих над трупами мух и вонь, похожая на ту, что никогда не выветривается из казематов Судейской башни или со скотобоен. А также – на вонь, которой смердят поля сражений. Но поскольку в таких местах я тогда еще не бывал, это сравнение мне в тот день на ум не пришло.

– Кажется, кого-то не хватает, – нахмурился отец после того, как пересчитал всех мертвецов. – Я прав?

– Нет лишь Канафирской Бестии, сир, – подтвердил Дункель. – А так кроме нее все в сборе.

– Если вы говорите о резвой канафирке, которая была среди этих людей, то она успела сбежать, – уточнил топчущийся в сторонке Баррелий. – Также, как их вожак. Но, сдается мне, мимо вас он не пробежал, ведь кто бы еще кроме него поведал вам об этом печальном недо-разумении?

– Куда удрала канафирка и почему ты сам не удрал отсюда следом за ней? – осведомился у него гранд-канцлер.

– В последний раз, когда я видел эту самую Бестию, она убегала на север, – ответил монах. – Только вряд ли на самом деле она отправилась туда. Скорее всего, просто запутывала следы. У нее на груди выжжен знак Вездесущих, так что она вовсе не так проста, как можно было о ней подумать. Ну а я... А что я? Мне надо было здесь прибраться, ведь негоже было оставлять после себя такой бардак. Да и зачем мне от кого-то бегать? Разве я натворил что-то противозаконное, сир?

При упоминании канафирской Плеяды Вездесущих отец и полковник переглянулись – такую подробность о Бестии они слышали впервые, – но предпочли не обсуждать при кригарийце этот животрепещущий вопрос.

– Возможно, кое-что и натворил, – сказал Шон Гилберт-старший, отворачиваясь от мертвецов и устремляя на Бочонка хмурый взор. Я насторожился: отец не умел шутить. И если он

выказывал недовольство, оно всегда было искренним. – Зависит от того, есть ли у тебя разрешение на охоту в угодьях Дорхейвена или нет!

– Разрешение? – переспросил ван Бьер. – Нет, сир, боюсь, такого разрешения у меня нет. Да и откуда бы ему взяться, ведь я уже сказал вам: меня впервые занесло в ваши края. Весьма чудесные края, смею заметить, сир.

– Ну тогда знай, что сегодня утром ты занимался браконьерством, когда убил, изжарил и съел того зайца, чьи кости валяются возле твоего костра, – объявил гранд-канцлер. – Охота в городе-республике Дорхейвене без лицензии строго запрещена. За это преступление у нас положен, самое малое, год тюрьмы. Именно так, как в твоём случае. Если, конечно, ты ограничился лишь зайцем и не настрелял в придачу к нему другой добычи.

У меня от страха волосы зашевелились на голове, когда я представил себя, отца, полковника и весь наш отряд, порубленный на куски и уложенный таким же аккуратным рядком возле банды Кормильца. Да и не мне одному, похоже, вообразилась сейчас подобная душераздирающая картина. Взоры всех солдат, половина из которых помогала Дункелю осматривать трупы, а вторая оставалась в седлах, обратились на Баррелия, а кое-кто из всадников даже развернул коней в его сторону. Полковник тоже не мог на это не отреагировать. Забыв о мертвецах, он подошел к гранд-канцлеру и ко мне и встал подле нас, положив руку на рукоять меча. Так, как и должен поступать телохранитель в случае, когда есть хоть малейшее подозрение, что господину и его сыну что-то угрожает.

– Вообще-то, сир, в смерти этого бедного животного я невиновен, – признался кригариец, сохраняя невозмутимость и словно бы даже не заметив охватившую гвардейцев тревогу. – Его тушку я обнаружил в вещах разбойников, вот и решил: чего зазря пропадать хорошему мясу, пойду и съем его, пока не протухло... Вот только жаль, что я никак не смогу вам это доказать. Очень жаль.

– И я надеюсь, ты не собираешься оспаривать мое обвинение и сопротивляться? – озвучил гранд-канцлер вопрос, который волновал нас сейчас больше всего.

– Ну что вы, сир! Как можно! Я еще не выжил из ума, чтобы кидаться в драку с такой серьезной стражей, как ваша, – покачал головой ван Бьер. – К тому же я всегда чту законы тех мест, в которых бываю. И Дорхейвен – не исключение.

Не знаю, как остальных, а меня ответ Пивного Бочонка здорово утешил. Пожелай он и в самом деле бросить нам вызов, то уже бросил бы – зачем ему тратить время на болтовню? А вообще, после выдвинутого ему обвинения на него уже следовало бы надеть кандалы. По крайней мере, с обычным браконьером именно так и поступили бы. Но как ни храбрился отец перед лицом кригарийца, этот приказ он до сих пор так и не объявил. Интересно, почему? Неужели верил монаху на слово? Очень сомневаюсь. Кто угодно, но только не Шон Гилберт-старший. Только не он.

– И что за нужда привела тебя в Дорхейвен? – полюбопытствовал отец вместо того, чтобы велеть гвардейцам заковать преступника в цепи. – Какие дела могут быть в моем мирном торговом городе у такого наемника, как ты?

– Я разыскиваю одного человека, – ответил Баррелий. – Не здесь, а западнее, в Канафире. Говорят, в последний раз его видели на Каменной Гари, в оазисе Иль-Гашир.

– Ты ищешь его, чтобы убить?

– Вовсе нет, сир! Просто хочу с ним кое о чем потолковать. До меня дошли слухи, что этот человек знает, что случилось в ту ночь на мысе Фростагорн, когда океан поглотил наш монастырь... Возможно, это и впрямь лишь слухи, но мне хотелось бы их проверить.

– Оазис Иль-Гашир... Хм... – Гранд-канцлер нахмурился. – Оттуда в последнее время приходят тревожные вести. Караванщики жалуются, будто это место захватили какие-то лихие люди, которые стали взимать с них дополнительную плату за воду и стоянку. И что этих людей

подозрительно много для обычных вымогателей. И раз ты туда направляешься, значит, тебе наверняка об этом что-то известно, так?

– Нет, сир, неизвестно, клянусь! То, что вы сейчас сказали, для меня – новость. Нужный мне человек вроде бы просто работал в Иль-Гашире: ремонтировал акведуки, чистил канавы, ухаживал за посевами... Но теперь, похоже, наша с ним встреча состоится лишь в будущем году. Если вообще состоится... М-да... И дернул меня Гном польститься тем дохлым зайцем! А ведь я еще усомнился, надо ли мне вообще его брать... – Ван Бьер огорченно поморщился, почесал макушку, после чего неуверенно спросил: – Извините за настырность, сир, но могу я задать вам один вопрос? Просто хотелось бы кое-что у вас уточнить, пока у меня есть такая возможность.

Отец посмотрел на него свысока, как смотрел на всех, кто что-либо у него просил, но все же дал монаху свое великодушное разрешение.

– Вы сказали, сир, что мое преступление – самое малое из тех, что прописаны в вашем законе о браконьерах, – напомнил Бочонок. – Но законы Эфима, Вейсарии, Промонтории, островов Хойделанда и даже Канафира дают мелким преступникам вроде меня право выбора: или отправиться в тюрьму или заплатить штраф. Что, согласитесь, выгодно всем: и властям, чья казна получает в таком случае пополнение, и осужденному, который получает хороший урок, но при этом остается на свободе. Скажите, сир, а в ваших законах предусмотрена замена малого тюремного срока штрафом, или же они не допускают ничего подобного?

– Вообще-то, да, предусмотрена, – признался Шон Гилберт-старший. И, смерив Баррелия критическим взором, добавил: – Но раз ты знаешь законы восточных земель, стало быть, ты знаешь и то, что такого рода штрафы там очень высоки. Высоки они и у нас. И я сильно сомневаюсь, что у тебя найдется при себе сумма, которая позволит тебе избежать тюрьмы в Дорхейвене. Триста киферов – о таком штрафе я веду речь.

– Триста киферов? – Монах наморщил лоб и поцокал языком. – Ваша правда, сир: сегодня для меня это многовато. В дороге я сильно поиздержался, к тому же пришлось расплачиваться кое с кем за нужные мне сведения. А эта услуга, как оказалось, тоже не из дешевых... А нет ли в Дорхейвене каких-то других видов штрафов кроме денежных, сир? Какой-нибудь посильной мне работы во благо вашего славного города?

– Даже если бы мы вели с кем-то войну, я не стал бы нанимать нам в подмогу кригарийца, – заметил отец. – Как по мне, ваша слава слишком преувеличена и ваши подвиги на поле брани явно переоценивают. Вероятно, даже во много раз. За те деньги, что кригарийцы берут за свои услуги, я лучше найму обычную команду хороших наемников. На чем, уверен, еще и сэкономлю, поскольку команда в любом случае воюет гораздо эффективнее одиночки.

– С вашей стороны это будет очень практичным выбором, сир. – Наверняка осужденный браконьер думал иначе, но он не стал перечить своему судье. – Всякому зверю своя стрела и свой капкан. Так и есть – в своей жизни я слышал куда больше отказов, чем заключил соглашений. Если бы три месяца назад эфимцы не отклонили мою помощь в своем новом походе на их спорные с островами Хойделанда, пограничные побережья, меня бы сейчас здесь не было. А воевать за короля островитян Гвирра Рябого я не намерен. Вот за его отца Даррбока я всегда был готов сражаться. Но Даррбок три года, как мертв, а Гвирр – бесчестный и скупой ублюдок, который не годится ему даже в подметки... Почему вы улыбаетесь, сир, осмелюсь спросить? Я вас чем-то рассмешил?

На лице отца и впрямь сияла довольно неуместная, не сказать странная улыбка.

– Я намерен запереть тебя в тюрьму на целый год из-за пустякового проступка! – продолжая ухмыляться, ответил гранд-канцлер. – А ты стоишь передо мной и, вместо того, чтобы взывать к моему милосердию, жалуешься мне на каких-то северных королей, которых я даже ни разу в глаза не видел! Подумать только, какое потрясающее хладнокровие! Или это просто такое жизнелюбие? Или и то, и другое вместе?

– Трудно сказать, сир, но, признаться, меня самого все это отчасти забавляет. Однажды мне довелось побывать в тюрьме у самих курсоров Громовержца по очень серьезному обвинению, где меня не казнили лишь чудом. И мог ли я тогда представить, что в следующий раз меня упекут в тюрьму из-за какого-то дохлого зайца, которого я так некстати сожру на глазах самого гранд-канцлера Дорхейвена! Расскажи я кому теперь эту историю – вот потеха-то будет!

– Знаешь, кригариец, кажется, ты славный малый, и ты мне нравишься! – внезапно сменил суровость на добродушие отец. – Пожалуй, я все же дам тебе работу взамен тюрьмы и штрафа, который ты не в состоянии уплатить. Для такого, как ты, эта работенка покажется даже чересчур легкой и она явно не стоит трехсот киферов, ну да Гном с нею. Сделаешь ее, и мы будем в расчете, а ты вновь станешь чист перед законом... Ты – воин, и ты должен научить моего сына убивать. Четко, хладнокровно, без колебаний. И как только Шон докажет мне, что он полностью усвоил твой урок, ты можешь брать свою тележку и идти туда, куда шел.

– Вот как? – удивился Пивной Бочонок. После чего озадаченно посмотрел на меня, наверное, впервые за все это время уделив мне столь пристальное внимание.

Под его тяжелым взором я ощутил себя, однако, совсем иначе, нежели когда отец порой смотрел на меня так же. В глазах Баррелия отсутствовало ко мне всякое дружелюбие. Но от его суровости веяло таким спокойствием, что я сразу понял: этот человек никогда не залепит мне пощечину, даже если я приведу его в бешенство. И вовсе не потому что затрещина кригариийца, в отличие от затрещины моего хмельного папаша, оторвет мне голову. Ван Бьер не станет заниматься рукоприкладством, потому что он относился к окружающим людям совершенно иначе, чем градоправитель Дорхейвена. И не презирал их лишь за то, что они не оправдывали его ожиданий.

– При всем уважении к вам, сир, позволю с вами не согласиться, – заговорил Баррелий после непродолжительной паузы, во время которой он не сводил с меня своего испытующего взгляда. – Работа, которую вы желаете мне поручить, на самом деле гораздо сложнее, чем вам кажется.

– Почему ты так решил? – нахмурился Шон Гилберт-старший, возмущившись тем, что ван Бьер раскусил мою мягкотелую сущность с первого же взгляда.

– Если ребенок, даже выезжая на охоту, берет с собой книгу, такого ребенка трудно заставить кого-либо убить. А убить человека – тем более. С вашим сыном придется изрядно повозиться, сир. Сдается мне, что по этой части он будет для меня крепким орешком.

В который раз за утро я был вынужден покраснеть до самых кончиков ушей. Проклятый Бочонок! Я так старательно прятал от отца трактат курсора Николиуса «Четвертый путь через Каменную Гарь», планируя украдкой читать его на привалах, а монах все равно разглядел торчащий из моей седельной сумки, краешек книги. Настолько маленький краешек, что отец его никогда бы не заметил. Но кригариец меня разоблачил и выдал с потрохами. После чего и без того не оправдавший моих романтических ожиданий кумир поблек в моих глазах еще больше. Кто бы мог подумать, что он и отец вдруг возьмут и объединятся против меня! Да еще на том фронте моего воспитания, где я и так терплю сплошное унижение! Как будто мне издевок одного Гилберта-старшего было мало!

– Ну так повозись, упрямый кригариец, если без возни не получится! – вновь напустил на себя суровость гранд-канцлер. – Или забыл, что ждет тебя в случае твоего отказа?

– Разумеется, не забыл, сир. Как можно такое забыть!

– Значит, договорились? Я могу на тебя рассчитывать?

– Договорились, сир! Можете всецело рассчитывать на Баррелия ван Бьера! Только я попрошу вас не отбирать у меня мою тележку. В таком важном и непростом деле, каким мне предстоит заняться, мне не обойтись без моих инструментов...

Глава 3

– И что сказал отец про ваши вчерашние синяки, юный сир? Надеюсь, он не сильно на меня бранился? – поинтересовался Пивной Бочонок после того, как провел со мной утреннюю разминку и вылил на меня два ушата ледяной воды из колодца. Он работал моим наставником уже третью неделю, так что я успел привыкнуть и с ранними подъемами, и с ежеутренним закаливанием. Конечно, поначалу они вызывали у меня злость и раздражение, но вскоре это прошло. Особенно после того, как количество отцовских придинок ко мне заметно поубавилось. А в последние дни их и вовсе не было слышно, пусть даже я по-прежнему не добился никаких успехов на стезе малолетнего убийцы.

– Б-бранился?! – переспросил я, стуча зубами от холода и обтираясь докрасна грубым крестьянским полотенцем. – Ск-кажешь тоже! Да к-каждый мой синяк вызывает у отца столько радости, что ск-коро он начнет приплачивать тебе за них отдельно.

– Вообще-то было бы неплохо, – рассудил ван Бьер. – Потому что, чую, я застрял у вас надолго, а лишние деньги мне бы не помешали.

– Ну извини. Сам же ск-казал: не надо было тебе жрать того прок-клятого зайца на виду у гранд-канцлера, – заметил я в свое оправдание.

– Что случилось, то случилось, – вздохнул монах. – И зайца того мне не воскресить – на такие чудеса даже магистры Вездесущих неспособны, а я подавно. Поэтому давайте-ка, юный сир, сделаем так, как велит ваш отец. И чем быстрее мы это сделаем, тем быстрее все мы получим то, что хотим.

– Все, кроме меня, – проворчал я, понемногу уняв дрожь. Какими бы дурацкими ни казались эти холодные купания, они и впрямь хорошо меня бодрили, особенно поутру. – Честное слово, Баррелий, и рад бы я тебе помочь, да только все впустую. Не дорос я еще. И эти твои ведра с водой – ну чему они могут меня научить?

– Ведра с водой научат вас, юный сир, самодисциплине. Тот, кто способен дать самому себе слово обливаться каждый день холодной водой, и сдержать это слово, тот может пообещать себе же, что не дрогнет перед врагом. И не дрогнет, когда придет время. Все великое начинается с малого. В любом долгом путешествии приходится делать первые шаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.